

DOI: 10.31857/S032103910029258-6

ЗАГРАНИЧНЫЕ КОМАНДИРОВКИ ВЫПУСКНИКОВ ИМПЕРАТОРСКОГО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Н. В. Колышницына¹, С. Б. Ланцов²

¹*Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова, Симферополь, Россия*

²*Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия*

¹*E-mail:* kolishnitsina@mail.ru ²*E-mail:* sergey_lantsov@mail.ru

¹*ORCID:* 0009-0000-0942-2996 ²*ORCID:* 0009-0006-2584-8835

В статье обсуждаются заграничные поездки выпускников Императорского Санкт-Петербургского историко-филологического института, организованные для подготовки молодых людей к дальнейшей профессиональной деятельности. Начавшись в 1873 г. в формате стажировок у «дружественных» профессоров из университетов Германии (Лейпциг, Страсбург, Бонн), эти поездки продолжились в 1880-е – 1890-е годы в новом формате: планы по созданию Русской археологической школы в Афинах по образцу французской и немецкой привели к тому, что именно Афины стали основным направлением командировок выпускников Историко-филологического института.

Ключевые слова: история образования, Императорский историко-филологический институт, стажировки, классическая филология, филологические семинары, история эпиграфики

ABROAD JOURNEYS OF GRADUATES OF THE IMPERIAL HISTORICAL AND PHILOLOGICAL INSTITUTE IN SAINT PETERSBURG

Nataliya V. Kolyshnitsyna¹, Sergey B. Lantsov²

¹*Fevzi Yakubov Crimean University of Engineering and Pedagogy, Simferopol, Russia*

²*Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia*

¹*E-mail:* kolishnitsina@mail.ru ²*E-mail:* sergey_lantsov@mail.ru

Данные об авторах. Наталья Валерьевна Колышницына – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории Крымского инженерно-педагогического университета им. Февзи Якубова; Сергей Борисович Ланцов – кандидат исторических наук, заведующий отделом античной археологии Института археологии Крыма РАН.

The article discusses the travels of the graduates of the Imperial Historical and Philological Institute abroad in order to prepare for their professional career. Established in 1873 in the form of an internship in German universities (Leipzig, Strasbourg, Bonn), in 1880–1890 they started to develop in a new direction. With the creation of the Russian Archaeological Institute in Greece being planned (in a manner of already existing French and German), the place of the fellowship for the graduates of the Imperial Historical and Philological Institute was changed to Athens.

Keywords: history of education, Imperial Historical and Philological Institute, fellowships, classical philology, philological seminary, history of epigraphy

Во второй половине 1860-х годов в связи с проведением реформы средней школы стал очевиден недостаток учителей гимназий, в первую очередь по гуманитарным предметам. Существовавшие при университетах педагогические курсы этой проблемы не решали, а уровень подготовки их выпускников не отвечал требованиям времени. По мнению Министерства народного просвещения, лучшим средством для устранения этой проблемы могло стать учреждение специального института, который бы осуществлял подготовку учителей историко-филологического направления. С этой целью 27 июня 1867 г. в Петербурге был учрежден Императорский историко-филологический институт (ИИФИ). Поскольку одной из задач нового высшего учебного заведения была подготовка не только учителей гимназий, но и профессуры для университетов страны, в уставе института было определено, что студенты, с успехом завершившие курс, имели право через год после его окончания сдавать экзамен на степень магистра. Особо отличившихся студентов, по представлению Конференции, оставляли при институте для подготовки к профессорскому званию. Именно они и могли претендовать на заграничные стажировки¹.

Порядок осуществления таких командировок был подробно регламентирован Общим уставом российских университетов. Регулярно публиковал отчеты о командированных и их деятельности «Журнал Министерства народного просвещения»². Большая же часть документов, относящихся к самим поездкам (ходатайства Конференции института, инструкции профессоров, отчеты командированных, финансовая документация) находятся в фонде Петроградского историко-филологического института, хранящегося в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (Ф. 53).

Рассматривая проблему заграничных командировок и стажировок, можно выделить несколько типов таких поездок. Во-первых, это поездки как ученых, так и студентов в вакационное время и за собственный счет; во-вторых – групповые экскурсии студентов и слушателей с образовательными целями, и, наконец, командировки лиц, «оставленных при кафедре для подготовки к профессорскому званию»³. Для воспитанников ИИФИ были характерны только две из

¹ ПСЗ. 1867. Собр. II. Т. XLII. Ст. 44767.

² ПСЗ. 1863. Собр. II. Т. XXXVIII. Ст. 39752; ЖМНП. 1866. Ч. 129. № 1. Отд. IV. С. 1–24: по поводу мер, принимаемых Министерством народного просвещения с 1862 г. для приготовления кандидатов к профессорскому званию.

³ Sveshnikov 2012, 849.

них. В документах института нет никаких сведений о групповых поездках студентов, что в целом неудивительно. Институт был закрытым учебным заведением, где содержание студентов полностью обеспечивало государство. В его специальных суммах просто не имелось такой статьи расходов. Сами же студенты, будучи в большинстве своем выходцами из малообеспеченных семей, такие поездки финансировать не могли. Большинство известных нам заграничных командировок «по собственному желанию» совершалось уже выпускниками учебного заведения через прошение директора и финансировалось министерством. Иными словами, применительно к институту речь должна идти только о вакационных командировках выпускников и преподавателей за государственный счет и двухлетних стажировках магистрантов.

Алгоритм организации заграничной стажировки был сформирован еще в начале 1860-х годов. Министерство народного просвещения распределяло стажировки профессорских кандидатов формально, не участвуя в непосредственном выборе подходящих лиц⁴. В университетах процедура организации командировки представляла собой цепь ходатайств: наставник подавал прошение на факультет, тот, в свою очередь, в университетский Совет, который после баллотировки по выдвинутой кандидатуре через попечителя делал представление министру⁵. В ИИФИ эта схема была существенно проще: уже перед выпускным актом Конференция института намечала тех лиц, которые, по ее мнению, были достойны получения в будущем профессорского звания, и подавала ходатайство на имя министра народного просвещения о предоставлении им заграничной командировки.

Каждый профессорский стипендиат получал от Конференции института, а чаще всего от своего наставника, подробную инструкцию о целях и порядке прохождения командировки. Формой контроля за их работой были отчеты, которые направлялись в Конференцию каждые полгода. Они представляли собой одну из форм обратной связи между стипендиатом и учебным заведением, давая возможность контролировать работу воспитанников за границей, а молодым ученым — получать новые инструкции, корректировки своих учебных планов и замечания по поводу выполняемой работы⁶. Поощрялось издание в Европе и в России научных статей или брошюр, связанных с темой научных исследований или будущей диссертации. Иногда такие работы могли заменять сами отчеты.

По возвращении из заграничной командировки молодые люди должны были сдать магистерский экзамен и защитить магистерскую диссертацию. Большинство из них так и поступало. Однако иногда защита откладывалась на достаточно длительный срок. В такой ситуации Конференция института требовала объяснений. Причинами невыполнения обязательств, как правило, указывались либо большая занятость по службе, либо проблемы со здоровьем, но встречаются и казусы следующего содержания: «Здоровья нет, средств к жизни нет, душа

⁴ Trokhimovskiy 2007, 20.

⁵ Skvortsov 2012, 405–407.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 550.

болит»⁷. Бывали и совсем уж редкие случаи, когда после заграничной стажировки магистерская диссертация так и не была защищена.

Заграничные командировки выпускников ИИФИ можно разделить на две группы. Первые командированные направлялись в основном в западноевропейские, в первую очередь немецкие, университеты по примеру выпускников университетов. А с 1880 г. выпускники института стали направляться в Грецию и Италию. Рассмотрим более внимательно оба направления этих стажировок.

22 декабря 1872 г. директор института К.В. Кедров направил в Министерство народного просвещения докладную записку следующего содержания: «Конференция Историко-филологического института в заседании 20 декабря, обсуждая вопрос о мерах привлечения студентов к более ревностным занятиям древними языками и об открытии для лучших из окончивших курс студентов возможности готовиться к испытаниям на высшие ученые степени, ввиду настоятельной потребности улучшить преподавание древних языков в гимназии, а равно и подготавливать способных и благонадежных молодых людей к занятиям профессорских кафедр по классической филологии, признала весьма полезной для этой цели мерой — студентов, окончивших курс в институте с отличными успехами, преимущественно по древним языкам, посылать за границу на два года. Осуществление такой меры вместе с тем имело бы благоприятное влияние на привлечение к институту хорошо подготовленных молодых людей и на более ответственное настоящим потребностям распределение их по специальностям»⁸. Министерство народного просвещения выделяло командированным по 1500 руб. в год на каждого. 30 декабря 1872 г. министр народного просвещения Д.А. Толстой одобрил инициативу.

Летом 1873 г. была подготовлена первая стажировка. Командированные в Германию студенты должны были слушать лекции университетских профессоров, принимать участие в практических занятиях филологических семинариев и активно заниматься самостоятельной работой, связанной с чтением древних авторов и подготовкой магистерских диссертаций. Семинаром, или как тогда говорили «семинарием», назывались специальные университетские курсы по какой-либо отрасли филологических наук, чаще всего по классической филологии, под руководством одного или двух профессоров на латинском языке. На таких занятиях занимались как критическим чтением древних писателей и надписей, так и обсуждением научных работ участников. Тему каждый выбирал самостоятельно, готовая работа рецензировалась несколькими оппонентами из членов семинара и обсуждалась публично на занятии. Согласно отчетам, стажировавшиеся на первых порах принимали пассивное участие в работе этих семинаров, что было связано главным образом с отсутствием практики разговорной латинской речи. И это при том, что филологическая подготовка выпускников института отличалась высоким уровнем, поскольку большая часть учебного времени и времени, отданного на самостоятельную подготовку, отводилась на разбор и чтение произведений античных авторов.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1191. Л. 54.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 1–2.

В помощь заграничным стипендиатам в институте была создана специальная библиотека. Выступая с инициативой ее открытия, директор института К. В. Кедров отмечал в октябре 1871 г.: «Для лиц, приготовляющихся к профессорскому и учительскому званиям, необходимо предварительно отправления их с этой целью за границу, ознакомиться как с сочинениями, касающимися лучшего метода преподавания в заграничных университетах по избранным молодыми людьми специальностям, так и с самой организацией заграничных учебных заведений, а потому я полагал бы весьма полезным учредить особую библиотеку из книг, относящихся до вышеупомянутых предметов»⁹. Ежегодно на содержание и пополнение этой библиотеки Министерство народного просвещения выделяло 1000–1200 руб.¹⁰

1 июля 1873 г. за границу направили первых выпускников: П. В. Никитина (выпуск 1871 г.), В. М. Колесникова и Н. С. Кириллова (оба выпуска 1872 г.)¹¹. Они должны были провести три первых семестра в Лейпцигском университете, а четвертый – в Геттингене¹². Лейпцигский университет был избран не случайно. В 1870-х годах благодаря Ф. Ричлю и Г. Курциусу лейпцигская филологическая школа считалась одной из самых сильных в Европе¹³. Более того, глубоко сочувствуя учебной реформе, проводившейся в России, Ф. Ричль оказал Министерству народного просвещения важную услугу, открыв при Лейпцигском университете Русскую филологическую семинарию.

За два года пребывания в Германии молодые люди должны были предоставить в институт два отчета: после первого и после третьего семестра. Один из пунктов инструкции (п. б) рекомендовал стажировавшимся не только заниматься университетскими курсами, но и методично собирать материалы для будущей магистерской диссертации, с тем «чтобы в возможно непродолжительном времени подготовиться к сдаче магистерского экзамена»¹⁴.

Сохранился отзыв за 1874 г. проф. Ф. Ф. Соколова, который, видимо, с самого начала курировал эти командировки: «Отчеты показывают, что все трое занимались добросовестно и не теряли даром времени»¹⁵. Наиболее емко Ф. Ф. Соколов дает характеристику отчету П. В. Никитина, который «своей подробностью и обстоятельностью дает возможность составить более ясное понятие о ходе и направлении работ молодого ученого»¹⁶. Особое внимание рецензент обращает на то, что П. В. Никитин много рассказывает о своих самостоятельных занятиях, излагает мысли и тезисы будущей диссертации, вступает в полемику с немецкими

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 415. Л. 1–1 об.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 525. Л. 6–6 об.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 78. Л. 74–74 об.

¹² ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 14–15.

¹³ Фридрих Вильгельм Ричль (F. W. Ritschl, 1806–1876) был ведущим специалистом по истории латинского языка и архаической латыни и в 1862 г. осуществил издание древних латинских надписей (*Priscae latinitatis monumenta epigraphica*). Георг Курциус (G. Curtius, 1820–1885), будучи специалистом в области грамматики, одним из первых применил сравнительное языкознание в классической филологии.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 14 об.

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 16.

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 16–16 об.

учеными, причем полемику, по мнению Ф.Ф. Соколова, обдуманную, конструктивную и объективную: «Никитин скептически относится к излишествах конъектуральной критики новых немецких ученых. Мало того, он, если не ошибаюсь, считает ложным самый принцип новых исследований текстов Феокрита, может быть, точнее будет сказать – упрекает эти исследования в отсутствии принципа. Но, высказывая такие решительные мнения о некоторых работах знаменитых ученых, он в то же время, как видно из всего отчета, далек от излишней самонадеянности и проникнут уважением к почтенной деятельности этих ученых»¹⁷. Первые отчеты В.М. Колесникова и Н.С. Кириллова – это краткие перечни прослушанных ими лекций и прочитанных авторов¹⁸. Однако Ф.Ф. Соколова приятно поразило объем прочитанных и проработанных текстов, что и позволило сделать вывод об их усердной работе. Было ясно, что все трое быстро усвоили главный педагогический прием Ф. Ричля: «читать, много читать, очень много читать, как можно больше читать»¹⁹.

Что касается следующих отчетов, то, сохраняя в них перечисление прослушанных курсов и прочитанных авторов, стажировавшиеся подходили по-разному ко второй, научной части. Так, П.В. Никитин подготовил полноценную статью, которая была опубликована в *ЖМНП*²⁰. Отчет Н.С. Кириллова был почти полностью посвящен его работе над магистерской диссертацией: определен объем литературы и источников, поставлена цель работы, сформулирован план и основные положения²¹. Тем более удивительно, что Николай Стратоникович оказался первым из командированных, кто так и не защитил магистерской диссертации. Когда в 1876 г. Конференция института затребовала от него объяснений, он ответил, что расстройство здоровья и отсутствие у него призвания к ученой деятельности не дают ему возможности подготовить научный труд. По решению Конференции от 12 мая 1879 г. он был освобожден от защиты²². Дальнейшая жизнь Н.С. Кирилова была связана с Нежинским историко-филологическим институтом, где он служил наставником до своей смерти в 1908 г.²³, а в 1879–1898 гг. преподавал греческий язык²⁴.

Отчеты первых командированных в Германию выпускников института показывают разительное отличие их от стажировавшихся за границей универсантов. А.Г. Новоселов²⁵, критически оценивая состояние немецкой классической

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 16–16 об.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 550. Л. 11–12, 13–15 об.

¹⁹ Basargina 2004, 28.

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 550. Л. 16–23 об.; Д. 453. Л. 38; Nikitin 1875, 69–106.

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 550. Л. 61–71 об.

²² ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1191. Л. 56–65.

²³ *Памятная книжка Императорского С.-Петербургского Историко-филологического института и гимназии при оном. 1867–1887*. СПб., 1887 (далее: *Памятная книжка ИИФИ*).

²⁴ *Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 1875–1900. Преподаватели и воспитанники*. Нежин, 1900. С. 38 (URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003647892>; дата обращения: 13.10.2023; далее – *Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине*).

²⁵ Новоселов Александр Григорьевич (1834–1887) – филолог, окончил Главный педагогический институт и Петербургский университет (1860), затем работал директором 4-й Московской гимназии.

филологии, погрязшей, по его мнению, в мелочах скрупулезного толкования текстов, писал: «И стоит ли молодому истинно любознательному человеку 30 часов в неделю убивать на слушание таких комментариев? Неужели здесь есть для него что-нибудь живое, развивающее ум и сердце, внушающее любовь к гражданским доблестям и приготовляющее его к жизни? ... Мне кажется, что такая узкая рамка чтения, такое преобладающее лингвистическое направление, такое насильственное ограничение кругозора молодых людей в деле знакомства их с классическим миром, такое искусственное отвлечение их внимания от живых сторон в произведениях и жизни древних скорее способны или возбудить отвращение от изучения греческой и римской литературы, или притупить всякое живое чувство, всякую разумную любознательность»²⁶. Но выпускников ИИФИ, нацеленных на изучение эпиграфики и критического разбора текстов, привлекала именно эта скрупулезность, и за обучением таким методам работы с текстами они и ехали в Германию.

В 1875 г. первые командированные вернулись в Россию. И если после первой пробной лекции В.М. Колесникова на тему «Consecutio temporum» Конференция затруднилась дать заключение о возможности его преподавания в высших учебных заведениях, то после второй лекции, которая представляла собой перевод на латинский язык довольно трудного отрывка русского текста с комментариями, Конференция единогласно избрала его преподавателем латинского языка в институте²⁷, где он работал до 1877 г., а затем перешел преподавателем древних языков в Ананьевскую гимназию (Херсонская губ.), где и прослужил в указанной должности до 1917 г.

Петр Васильевич Никитин был принят на кафедру классической филологии Нежинского ИФИ и в 1876 г. в Университете св. Владимира в Киеве защитил магистерскую диссертацию. Дальнейшая судьба этого талантливого ученого хорошо известна: профессор и ректор Императорского Санкт-Петербургского университета, академик, вице-президент Академии наук (1900–1916)²⁸.

В 1874 г. на тех же основаниях и с теми же рекомендациями в Лейпциг и Геттинген были отправлены А.Г. Фогель (выпуск 1873 г.) и А.Ф. Абрамов (выпуск 1871 г.). Однако инструкция, выданная этим молодым людям, была более требовательна в отношении отчетов: «Отчеты должны заключать в себе обстоятельное изложение как занятий в университете, так и домашних занятий; желательно, чтобы направление и выбор работ были мотивированны»²⁹. Такие же пожелания звучат и в отзывах на отчеты этих молодых людей, подписанных проф. И.В. Помяловским. Особенно это касалось отчета А.Г. Фогеля, в котором не было представлено «никаких данных для суждения об основательности его самостоятельных работ и о приготовлении им диссертации»³⁰. В отчетах А.Ф. Абрамова мы встречаем не просто тематику курсов с фамилиями профессоров их читающих, но и характеристику последних: «Профессор Экштейн говорит замечательно изящным латинским языком, а это не

²⁶ Цит. по: Sveshnikov 2012, 855.

²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 47–48.

²⁸ Basargina 2004.

²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 24–25.

³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 973. Л. 53 об.–56.

может не быть полезным для меня как намеревающегося вскоре вступить в число деятельных членов семинарии ... Немалое влияние на выбор лекций Ланге имело также и то обстоятельство, что он вообще читает не быстро и потому для непривычного еще к немецкой речи понимание его гораздо легче дается, чем, например, Ричля, читающего свои лекции с жаром, с увлечением и потому трудно понимаемого ... Объяснения г. Ланге были для меня полезны в том отношении, что указали, какими средствами должен располагать желающий взяться за дело критики и как должно употреблять эти средства в дело. Что касается до самих лекций Ланге, то я должен сказать, что они обогатили меня многими историческими, литературными и палеографическими знаниями. В высшей степени объективное, строго систематическое, обстоятельное, основанное на положительных факторах изложение показало, как много нужно знать для того, чтобы быть в состоянии с успехом работать в области классической филологии и не только нужно знать много, но знать это многое основательно»³¹.

В обязанность молодых людей, командированных в Лейпциг, помимо непосредственных занятий с местными профессорами и домашних чтений входило также и проведение занятий в Русской филологической семинарии. Последняя начала свою деятельность в октябре 1873 г. с целью подготовки специалистов-классиков для российских средних учебных заведений. Принимали туда выпускников гимназий из славянских земель Австрии и российских гимназий³². Стажировавшиеся при Лейпцигском университете, выпускники ИИФИ должны были заниматься с семинаристами русским языком по 6–8 часов в неделю, а также изучать с ними русскую литературу, историю и географию³³. Таким образом, с одной стороны, работа молодых русских ученых в Филологической семинарии была неплохой педагогической практикой, с другой, как свидетельствуют некоторые их отчеты, отнимала огромное количество времени непосредственно от научных занятий. У всех командированных было разное отношение к этой обязанности. Например, А.Ф. Абрамов в своем отчете за зимний семестр 1874–1875 учебного года писал, что «занятия в семинарии отнимали 5 часов в неделю, но были полезны: я должен был переводить с семинаристами те греческие и латинские тексты, которые переводимы были ими в семинарии у Ф. Ричля, В.А. Гершельмана, а также от них требовалось изложение содержания лекций Г. Курциуса о греческой грамматике»³⁴.

В 1876 г. А.М. Фогель и А.Ф. Абрамов получили места наставников в Нежинском институте и оба не торопились с защитой магистерских диссертаций. В объяснениях, данных Конференции института в 1879 г., А.М. Фогель ссылаясь на большую загруженность работой в Нежинском институте и отсутствие в библиотеке последнего необходимых пособий, а А.Ф. Абрамов – на нездоровье супруги. По распоряжению Конференции Андрей Федорович был освобожден от защиты диссертации, оставшись на службе в гимназии при Нежинском институте, сначала

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 550. Л. 1–10.

³² Ptitsyn 2017, 97–98.

³³ Ptitsyn 2017, 100.

³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 550. Л. 8–9.

наставником-руководителем, а затем дослужился до должности ее заведующего³⁵, скончался он в мае 1911 г. Андрею Магнусовичу Фогелю было предписано до защиты диссертации каждые полгода представлять Конференции института отчеты о работе над ней³⁶. Он планировал завершить работу к началу 1881 г.³⁷ Однако защита диссертации на тему «*P. Terentii Afri Eupuchus*» с введением, объяснением и критическими прибавлениями» состоялась только в 1884 г. в Университете св. Владимира, после чего А. М. Фогель был избран профессором римской словесности в Нежинском ИФИ, в котором прослужил до своей смерти в 1897 г.³⁸

В последующие годы тексты инструкций, выдаваемые командированным, оставались практически неизменными, только с 1875 г. им было разрешено самим выбирать университет пребывания³⁹. С. Н. Жданов (выпуск 1871 г.) избрал Лейпцигский университет, где «слушал у Курциуса историю гомеровского вопроса, у Ричля — историю греческой трагедии»⁴⁰. В целом отчеты С. Н. Жданова представляют собой достаточно подробное изложение лекций профессоров Г. Курциуса, Ф. В. Ричля и Г. Фрицше с его собственными дополнениями и критическими замечаниями. Помимо этого, основу второго отчета составила первая глава его магистерской диссертации «К учению о греческом ударении»⁴¹, которая была защищена в 1878 г. Впоследствии С. Н. Жданов возглавил кафедру греческой словесности Нежинского ИФИ, издал ряд учебников по грамматике греческого языка⁴². Скончался 1 сентября 1903 г. в Нежине.

Вместе с С. Н. Ждановым в командировку был отправлен М. А. Дрейер (выпуск 1872 г.). Однако он успел предоставить только один отчет, так как скоропостижно скончался в 1876 г. Этот отчет, хотя и был признан удовлетворительным, вызвал большое количество нареканий проф. А. К. Наука. Следует заметить, что эта критика была справедлива и по отношению ко многим другим отчетам: слишком подробные пересказы лекций немецких профессоров и сильное доверие, без критического отношения, к новой филологической литературе. В своих замечаниях А. К. Наука отмечал: «Знание новой филологической литературы желательно для всякого, который занимается древностью; но гораздо важнее чтение сочинений, дошедших до нас от древности: оно должно служить основанием изучения новой филологической литературы ... Вообще новые сочинения следует читать с выбором, чтобы выиграть время для изучения источников»⁴³.

В 1876 г. в Германию уехали М. И. Аквилонов (выпуск 1871 г.) и П. А. Адрианов (выпуск 1876 г.). В этот раз впервые в заграничную командировку был отправлен молодой человек, едва окончивший институт, что несколько противоречило

³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1191. Л. 74; *Памятная книжка ИИФИ; Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине*. С. 1..

³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1191. Л. 83.

³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 550. Л. 351–320.

³⁸ *Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине*. С. 66–67.

³⁹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 41–41 об.

⁴⁰ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 53–57.

⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 550. Л. 71–87 об., 182–196 об.

⁴² *Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине*. С. 26.

⁴³ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 973. Л. 55–56; Д. 885; Д. 453. Л. 64–64 об.

положениям устава учебного заведения, и это нашло отражение в ходатайстве Конференции: «Относительно Адрианова можно отступить от соблюдавшегося до сих пор правила не посылать за границу прямо со студенческой скамьи, потому что означенный студент, известный своей благонадежностью, желал бы служить на родине в Томске, а между тем в Томске предполагается основание университета»⁴⁴. Занятия его в Боннском и Берлинском университетах⁴⁵ были сосредоточены на углубленном изучении римской словесности, и в первую очередь на произведениях Ювенала. Мнения членов Конференции И.В. Помяловского и И.А. Шебора о работах П.А. Адрианова достаточно высокие⁴⁶. В Томск Павел Александрович не вернулся, открытие университета задерживалось, и он был определен в Нежинский ИФИ, где прослужил до 1890 г. преподавателем латинского языка и наставником студентов⁴⁷. Магистерскую диссертацию так и не защитил. Затем был окружным инспектором Оренбургского учебного округа, помощником попечителя Киевского учебного округа и директором Винницкой гимназии. Его судьба после 1917 г. неизвестна.

В инструкции М.И. Аквилонovu пункт о предоставлении отчетов был дополнен. Помимо двух отчетов Конференции он должен был в начале каждого семестра «доставлять в письмах на имя директора краткие сведения о своих предположениях относительно занятий в предстоящем семестре, а начиная со второго семестра и о том, что сделано им в минувший»⁴⁸. И с этого года письма директору становятся обязательным дополнением отчетов для всех командированных. Достаточно любопытен отзыв Ф.Ф. Соколова на отчет М.И. Аквилонова от 6 мая 1877 г.: «Аквилонov не излагает подробно содержания курсов, но перечисляет те мысли, которые показались ему замечательными. Из этого перечисления видно, что Аквилонov сумел отыскать в лекциях то, что было интересно в научном отношении, новые мысли или предложения, то или другое решение спорных вопросов... Он сообщает некоторые дельные замечания, которые показывают, что он отнесся критически и самостоятельно к работам новых ученых; и в то же время он отнесся к этим работам с большой внимательностью, стремясь не пропустить в них ничего; ему понадобилось делать такие большие выписки из книг, что он даже не имел возможности все выписывать сам и нанимал других, как это делается при списывании рукописных документов, хранящихся в архивах. Эти выписки распределены у Аквилонова по отделам»⁴⁹. Вторая часть этого отзыва — уже скорее рассуждения самого рецензента на заинтересовавшую его тему. Соколов вступает здесь в полемику с размышлениями Кирхгофа по гомеровскому вопросу и о хронологической последовательности и подложности сочинений Плуларха⁵⁰. Последний год командировки оказался для Михаила Ивановича Аквилонова чрезвычайно сложным. Он тяжело заболел и в результате оказался

⁴⁴ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 973. Л. 13–13 об.

⁴⁵ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 973. Л. 77 об.—80; Д. 453. Л. 68–68 об.

⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 550. Л. 293–299, 300–312.

⁴⁷ *Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине*. С. 1–2.

⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 973. Л. 75 об.—77 об.; Д. 453. Л. 67–67 об.

⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 92–92 об.

⁵⁰ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 93–93 об.

в непростой материальной ситуации. Директор института смог исходатайствовать для него у министра народного просвещения дополнительное пособие в размере 200 руб. для возвращения на родину⁵¹, где он получил место в Симферопольской гимназии⁵². В связи с упомянутыми событиями защитить диссертацию вовремя он не смог⁵³. В 1890 г. он вернулся в Петербург и занял должность наставника-руководителя и заведующего гимназией при ИИФИ⁵⁴. Вышел в отставку по болезни в 1905 г. и поселился в Виннице, о его дальнейшей судьбе ничего не известно.

В 1880 г. Конференция института обратилась в министерство с ходатайством о предоставлении командировки Е.А. Шмидту-фон-дер-Лауницу (выпуск 1880 г.). Местом его пребывания на первый семестр был назначен Боннский университет, где ему следовало заниматься под руководством профессора Ф. Бюхелера. К началу 1881 г. Евгений Александрович принял решение покинуть Бонн, и он достаточно подробно объясняет причины этого: «Для меня наибольшее значение имеет участие в работе филологического семинария и просеминария. Между тем Боннский филологический семинарий представляет строго замкнутое учреждение, рассчитанное только на 9 членов, так что все остальные студенты-филологи должны довольствоваться участием в занятиях просеминария»⁵⁵. Молодого русского ученого не устроили и лекции профессоров Боннского университета: они отличались общим характером, а для него интерес имели интерпретации классиков. Выбор места дальнейшей стажировки пал на Страсбургский университет: «в Страсбурге я имею возможность принимать участие в работах филологического семинара и просеминара и самый метод профессоров, заведующих здесь этими заведениями, гораздо практичнее профессоров в Бонне. Сверх того, здешние профессора привлекают к участию в семинарских рассуждениях всех членов семинара, как ординарных, так и экстраординарных»⁵⁶. В Страсбурге он посещал занятия профессоров Ф. Шёлля и В. Штудемунда. Вернувшись из командировки, он работал преподавателем древних языков во 2-й Варшавской женской, Люблинской мужской, Сувалкской, Ревельской Александровской, Ревельской Николаевской и 2-й Киевской гимназиях, защитил магистерскую диссертацию «О финальных предложениях у древнейших аттиков, преимущественно Фукидида». Скончался в ноябре 1902 г.

В 1890-е годы командировки выпускников института в западноевропейские университеты прекращаются. Конференция принимала решение оставлять наиболее успешных выпускников для подготовки к защитах магистерских диссертаций непосредственно при институте, сразу поручая им чтение лекций. Именно таким образом в 1892–1894 гг. готовились к экзаменам на степень магистра Н.К. Гельвих и А.И. Малейн, которые смогли заменить вышедшего в отставку проф. О.А. Шебора и умершего проф. Л.А. Миллера на занятиях по римской

⁵¹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 876. Л. 3–4.

⁵² ГА РК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 281. Л. 22–22 об., 60 об., 102; Д. 1268. Л. 70 об.–79.

⁵³ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1191. Л. 85.

⁵⁴ ЦГИА СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1468. Л. 4–14, 22–32.

⁵⁵ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 108–108 об.

⁵⁶ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 110–115.

словесности⁵⁷. В 1898 г. такое же решение было принято в отношении выпускника Б.В. Варнеке⁵⁸. Справедливости ради нужно отметить, что А.И. Малеин был отправлен в командировку в 1894—1896 гг. Согласно инструкции, первые два или три семестра он должен был провести в германских университетах (Гейдельбергском, Боннском, Мюнхенском или других) и не менее полугода путешествовать по Италии⁵⁹. Задачей этой командировки, определенной К.В. Кедровым, О.А. Шебором и Ф.Ф. Зелинским, было углубление знаний молодого ученого по римской литературе серебряного века. В этой связи ему предписывалось прослушать в германских университетах курсы лекций и принять участие в филологических семинарах профессоров Ф. Шелля, Э. Роде, К. Цангемейстера, П.Х. Брандта, Г. Улиха, Г. Остгоффа, Ф. Бюхелера, Г. Узенера и др. При этом предписывалось обращать особое внимание не только на содержание излагаемого, но и на способ изложения этих «искусных и опытных профессоров»⁶⁰. Рукописное отделение библиотеки Гейдельбергского университета, возглавляемой К. Цангемейстером, было определено в качестве места для практических упражнений в палеографии. Что касается Италии, то А.И. Малеину было рекомендовано провести зимние месяцы в Риме для изучения императорской эпохи и ознакомиться с рукописями латинских авторов, а затем обязательно посетить Национальный музей в Неаполе и Помпеи. Отчеты А.И. Малеина о работах в германских университетах заслуживают отдельного внимания, поскольку показывают, как изменилась география германских путешествий выпускников института за прошедшие со времен первой командировки годы. Если в 1870-х годах основной базой пребывания наших студентов был Лейпцигский университет, а в 1881 г. Е.А. Шмид-фон-дер-Лауниц вынужден был покинуть Бонн, не найдя там поддержки, то в начале 1890-х годов ситуация меняется. Впрочем, здесь лучше процитировать отчет А.И. Малеина за 1895 г.: «Я провел летний семестр в Боннском университете, где прослушал все намеченные мною раньше курсы. Наиболее сильное впечатление произвел на меня профессор Бюхелер. Его комментарии отличались такой глубиной и содержательностью, таким всесторонним знанием древнего мира, какое трудно себе представить в наше время, когда филологическая литература разрослась до столь гигантских размеров. Одно из отличительных достоинств Бюхелера составляет, несомненно, знакомство его с надписями и умение пользоваться этим крайне разбросанным материалом. Что касается характера комментариев вообще, то они представляют собой данные к истории развития латинского литературного языка — свойство деятельности профессора, которое его коллега Узенер окрестил именем *ἀρετῆ ὑρασιματικῆ* ... В первом своем отчете я высказал довольно безотрадное мнение о гейдельбергских филологах-студентах. Теперь я могу сравнить с ними семинаристов в Бонне. Конечно, последние производят более приятное впечатление своей начитанностью в древних текстах и филологических пособиях, но это объясняется главным образом тем,

⁵⁷ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2502. Л. 1—1 об.

⁵⁸ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2603. Л. 1—1 об.; Tunkina 2011, 435—466.

⁵⁹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2308. Л. 1—2, 6—7; Ф. 53. Оп. 1. Д. 1956. Л. 35—35 об.

⁶⁰ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2308. Л. 6—7.

что члены семинария в Бонне — молодые люди, прослушавшие минимум 6 семестров, а некоторые даже и доктора. Для начинающих же филологов есть так называемый просеминарий, где разговор и все работы ведутся на немецком языке»⁶¹. Далее Александр Иустинович дает подробную характеристику курсов и особенностей их чтения профессорами Г. Узенером и Г. Лешке. По окончании командировки, в 1896 г. А.И. Малеин вернулся к преподаванию в ИИФИ⁶². В 1900 г. он защитил магистерскую диссертацию «Марциал. Исследования в области рукописного предания поэта и его интерпретации». Составил две хрестоматии для гимназистов из произведений Вергилия и Тита Ливия. В 1921–1926 гг. заведовал кафедрой классической филологии Петербургского университета, а в 1924–1931 гг. организовал в Библиотеке АН СССР Кабинет инкунабул, редких иностранных книг, иностранных рукописей и гравюр⁶³.

Подводя первые итоги «западноевропейских» командировок, нужно отметить, что все «готовящиеся к профессорскому званию» стажировались в области классической филологии. Они командировались в основном в Лейпцигский, Боннский, Страсбургский университеты. Принимая во внимание заслуги проф. Ф.В. Ричля и Г. Курциуса и приват-доцента В.А. Гершельмана в деле образования русских магистрантов, руководство института в 1874 г. выступило с предложением о награждении их русскими орденами⁶⁴. Почему изначально были выбраны немецкие университеты? Как отмечал А.Ю. Андреев, именно в Германии классическая филология переживала свое возрождение. Были найдены новые методы разработки наследия античных авторов. Вместо лекционных толкований канонических текстов были введены филологические семинары — прообраз нынешних занятий древними языками⁶⁵.

Отчеты командированных в германские университеты — это скорее работы все еще студентов, основу которых составляет перечисление прослушанных курсов, впечатления о профессорах и перечень выполненных «домашних работ». В них немного критического отношения или анализа услышанного или прочитанного. За исключением, пожалуй, П.В. Никитина никто не представляет в этот период и самостоятельных научных работ.

Практически с самого начала таких командировок молодые люди сталкивались и с проблемами финансового характера. Достаточно небольшое содержание, которое им выплачивало министерство, бывало, задерживали. Неслучайно в отчетах, которые должны были носить научный характер, встречаем и упоминание о бытовых вопросах: «Я в продолжение уже целого месяца нахожусь в самом неловком положении по причине невысылки содержания: от книгопродавца Зиммеля получил уже вторичное приглашение к уплате за взятые у него книги; хозяин, не получив денег, отказывает в квартире, и, наконец... в настоящую минуту у меня нет ни одного пфеннига. Я очень хорошо понимаю, что мне не следовало

⁶¹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2308. Л. 12–14 об.

⁶² ЦГИА СПб. Ф. 114. Оп. 1. Д. 7863А. Л. 1–3; Ф. 53. Оп. 1. Д. 2604. Л. 2; Д. 2452. Л. 2.

⁶³ Derzhavin 1938; El'zon 1983; Pitul'ko 1991.

⁶⁴ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 769.

⁶⁵ Andreev 2005, 140.

бы писать об этом ученому собранию, но... уста заговорили от избытка сердца», — писал в 1876 г. А. Ф. Абрамов⁶⁶.

Вторым направлением заграничных командировок для студентов ИИФИ 1880–1890-х годов стала Греция. В 1879 г. русский посланник в Афинах П. А. Сабуров высказал идею создания в Греции русского археологического учреждения по примеру других стран⁶⁷. Директор ИИФИ К. В. Кедров предложил для начала оправить в Афины в длительную командировку группу молодых людей, которые высказывали бы интерес к греческим древностям из бывших студентов ИИФИ или Петербургского университета. Командировать их предлагалось на тех же условиях, что и в Германию для подготовки к профессорскому званию. Кроме того, они должны были войти в контакт с иностранными учреждениями и греческими учеными. С этой же целью и для консультаций молодым ученым предполагалось отправить в Афины в середине мая Ф. Ф. Соколова⁶⁸. Ему было выделено 300 руб. на приобретение изданий надписей и некоторых пособий, которые могли быть необходимы для занятий⁶⁹. Именно они составили основу небольшой библиотеки, которая хранилась в доме русской церкви в Афинах. Большую помощь нашим молодым ученым оказали уже работавшие на территории Греции французский и немецкий археологические институты⁷⁰.

Так же, как и лицам, командированным в Германию, Министерство народного просвещения определило им на расходы 1500 руб. в год. Однако уже в ноябре 1880 г. К. В. Кедров обратился с ходатайством в министерство о необходимости увеличения этого денежного содержания: «ассигнованные им денежные средства, по отзыву лиц, знающих местные условия, недостаточно обеспечивают удовлетворение их самых насущных потребностей. Не говоря уже о низком заграничном курсе наших денег, им пришлось из выделенной им суммы по 1 января 1881 г. истратить значительную часть оной на переезд до Афин; причитающиеся же им деньги за первую половину 1881 г. они могут получить не ранее конца

⁶⁶ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 550. Л. 42 об.

⁶⁷ Basargina 2008b, 206.

⁶⁸ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 1–2 об.

⁶⁹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 33.

⁷⁰ Французская школа в Афинах (*École française d'Athènes*) существовала с 1846 г. «для изучения языка, истории и древностей». Стипендиаты были обязаны ежегодно предоставлять отчеты о научных занятиях в Министерство народного просвещения и раз в год посещать различные области Греции, Турции или Малой Азии. Наибольшего расцвета это учреждение достигло под руководством А. Дюмона. Издавался научный журнал «*Bulletin de correspondance Hellénique*», в котором публиковали свои труды и наши молодые ученые, в том числе В. В. Латышев, А. Н. Щукарев и др. Отделение Германского археологического института (*Deutsches Archäologisches Institut*) в Афинах существовало с 1875 г. В программе занятий там стояли исключительно греческая археология и эпиграфика. Для участия в работе отделения прикомандировывались молодые немецкие археологи-стипендиаты, которые здесь завершали свое образование. Большим успехом пользовались «Путешествия», устраиваемые ежегодно по Греции и по островам под руководством В. Дёрпфельда. Периодический орган института «*Athenische Mitteilungen*» также предоставлял свои печатные площади для молодых русских исследователей.

января — начала февраля 1881 г. Чтобы не поставить их к концу истекающего года в крайне затруднительное положение по недостатку денежных средств, я считаю своей обязанностью ходатайствовать о назначении им в настоящее время денежного пособия в возмещении расходов на проезд до Афин в размере 200 руб. на каждого и об отправлении этих денег в возможно непродолжительном времени»⁷¹. Министерство народного просвещения пошло навстречу. Годовое пособие всем командированным в Афины было увеличено до 1800 руб., кроме того, на путевые издержки отдельно выделялось по 150 рублей.

После подготовительных работ встал вопрос о кандидатурах первых командированных. Первыми в Афины отправились В.В. Латышев (выпуск 1876 г.) и магистрант историко-филологического факультета Петербургского университета В.К. Ернштедт, который состоял при университете преподавателем греческого языка. Оба они получили подробнейшие инструкции от проф. Ф.Ф. Соколова, в которых, в частности, указывалось, что молодые люди командированы с целью ознакомления с учеными трудами и открытиями в области греческой истории и греческих древностей, чтобы сообщать русскому обществу результаты этих трудов и открытий. За время командировки они должны были представить Конференции три отчета: первый — за год (к 1 июля 1881 г.), второй — за полгода (к 1 января 1882 г.), третий — к 1 июля 1882 г. Выбор отрасли занятий командированные осуществляли свободно. Основу отчетов должны были составлять сообщения о собственных научных занятиях молодых людей⁷².

В ноябре 1880 г. В.В. Латышев и В.К. Ернштедт представили весьма дельные работы, которые были опубликованы в ноябрьской книге ЖМНП. Их общая работа под названием «Одна из вновь найденных афинских надписей» представляла собой открытое письмо к Ф.Ф. Соколову⁷³. Речь в ней шла о надписи времен диадохов, найденной на западе Акрополя у Пропилей. Надпись к моменту написания статьи была еще не опубликована, списать ее им не разрешили, и молодые ученые делали построчный анализ этой надписи по памяти.

В.В. Латышев большую часть первого года пребывания в Греции (1880—1881) провел в Афинах, совершая небольшие поездки в разные местности Аттики. За это время он написал несколько научных статей⁷⁴. Уже эти первые работы характеризуют Василия Васильевича как вдумчивого и скрупулезного ученого. Это совсем не те «студенческие» отчеты, что получала Конференция от командированных из Германии, а взвешенные и полновесные научные труды. Более того, в статье «К вопросу о культе Аммона в Афинах» В.В. Латышев, публикуя комментарии к надписи уже изданной Х.Д. Беком (*C.I. Gr.* № 157) по копии М. Фурмона, отмечает: «В приложении под лит. А помещена сделанная мною копия надписи с подлинника камня, так как копия Фурмона у Бека неточна»⁷⁵. И это характерно для Латышева: важен не авторитет ученых, а истина, до которой молодой человек

⁷¹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 25–26.

⁷² ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 24–24 об.

⁷³ Latyshev, Jernstedt 1880.

⁷⁴ Latyshev 1880; 1881a; 1881b; 1881c; 1882; 1883.

⁷⁵ Latyshev 1881a, 24.

скрупулезно докапывался. Во втором полугодии 1881 г. он предпринял поездку на о. Делос и познакомился с проводимыми там раскопками. С периодичностью в две недели посещал заседания Афинского отделения Германского археологического института, членом-корреспондентом которого он был избран 21 апреля 1881 г. В целом отчеты Латышева — это скорее некие сопроводительные письма к тем научным статьям, которые он присылал для публикации. В некоторых из них можно встретить и планы на будущие путешествия, и планируемые в связи с этим научные работы самого ученого⁷⁶.

Ф.Ф. Соколов, давая В.В. Латышеву отзыв о его деятельности в Афинах, особенно отмечал удивительную энергию и блестящие успехи, которыми увенчалась эта командировка. Латышев постоянно работал в афинских библиотеках, приобрел основательные знания по «истории древней греческой жизни в самом обширном значении»⁷⁷. Помимо этого, «он достиг замечательного умения в чтении и разборе надписей, нашел много новых, неизвестных обломков в самих Афинах и на основании их обработал некоторые интересные вопросы афинских древностей, например, об афинских праздниках. Его статья «Die Festzeit der Pamboioetein», прочитанная в Афинском отделении Германского археологического института, заслужила общее и живое одобрение немецких и греческих ученых, присутствовавших на заседании»⁷⁸. В качестве показательного примера, характеризующего необыкновенную преданность науке и упорство своего ученика, Ф.Ф. Соколов приводит такой случай: «В Южной Фессалии, в Ламисе, зимою услышал Латышев, что в летнем жилище одного ламийского помещика есть надпись. Тотчас поехал он на эту дачу зимою, в такую местность, что нельзя было достать куска хлеба, в снегу лежа описывал камень и возвратился в Ламию только потому, что иначе бы он умер от голода. Надпись оказалась вполне заслуживающей таких мучений: это был сенатус-консулт II в. до н.э.»⁷⁹. Из Афин Латышев вернулся сложившимся ученым. Не случайно, по мнению А.В. Никитского, В.В. Латышев имел реальную возможность стать во главе Русского археологического института в Афинах, если бы таковой был создан⁸⁰. В 1878 г. Русское археологическое общество именно ему поручило издание древних надписей, найденных на юге России (*IOSPE*)⁸¹. Много занимался он научной и преподавательской деятельностью. С 1903 г. возглавил ИИФИ. Подробная биография ученого разработана целым рядом исследователей⁸².

Не менее успешной оказалась эта командировка и для Виктора Карловича Эрнштедта, продлившаяся три года. В 1882 г. в качестве отчета за проделанную работу В.К. Эрнштедт прислал в Петербург свою статью «Саламинская битва»⁸³. Последний год он провел в Италии, где занимался изучением средневековых

⁷⁶ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 30–32, 41–42 об.

⁷⁷ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 46.

⁷⁸ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 46 об.

⁷⁹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 47.

⁸⁰ Tunkina 1999, 178–179; Basargina 2008b.

⁸¹ Buzeskul 1931, 135–136.

⁸² Tunkina 1999.

⁸³ Jernstedt 1882.

рукописей, содержащих произведения античных и византийских писателей. Здесь окончательно определились и его дальнейшие научные интересы – текстология и палеография. Вплоть до самой смерти в 1902 г. Виктор Карлович продолжал чтение лекций в университете. С 1893 г. стал действительным членом Императорской Академии наук. Был активным членом Русского археологического общества. В 1892–1902 гг. заведовал отделением классической филологии ЖМНП. Работы В.К. Ернштедта составили целую эпоху в области изучения и издания греческих текстов, многие из них и по сей день не потеряли своего значения⁸⁴.

В 1881 г. было принято решение отправить в Афины следующего командированного, не дожидаясь возвращения в Россию В.К. Ернштедта и В.В. Латышева, с тем чтобы они могли оказать ему на первых порах методическую помощь и ввести в научные круги французского, немецкого и греческого институтов⁸⁵. С этой целью до 1 января 1882 г. был оставлен в институте для специальной подготовки под руководством проф. Ф.Ф. Соколова Д.Н. Корольков. Несмотря на неудачное начало (Дмитрий Николаевич серьезно заболел в начале командировки и около четырех месяцев потратил на лечение), поездка оказалась очень плодотворной. Молодой человек много путешествовал, объехал почти все области древней Греции: Пелопоннес, Мегариду, Эпир, Беотию, Коринф, Платею и др. Везде он занимался изучением надписей: уже найденные и опубликованные сверял с оригиналами, уделял много внимания поиску новых. Все изученные им надписи молодой человек срисовывал⁸⁶. Столь масштабные поездки вынудили Д.Н. Королькова обратиться через содействие К.В. Кедрова в Министерство народного просвещения с прошением о продлении командировки. Это ходатайство было удовлетворено. Привлекли внимание исследователя и археологические раскопки, которые в эти годы велись в Элевсине и Эпидавре. В 1884 г. в ЖМНП была опубликована первая статья молодого ученого «Новые раскопки в Элевсине»⁸⁷. После окончания командировки Дмитрий Николаевич был назначен преподавателем древних языков во 2-ю Московскую гимназию. На некоторое время он вынужден был прервать научную работу из-за тяжелой болезни глаз. Диссертацию не защитил, а звание профессора получил в 1913 г. на правах *honoris causa*. Всю свою дальнейшую жизнь он связал с Москвой и педагогической деятельностью⁸⁸.

⁸⁴ Kuklina 1999, 68–130.

⁸⁵ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1429. Л. 146.

⁸⁶ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 55–57, 72–75, 77–78 об.

⁸⁷ Korol'kov 1884.

⁸⁸ В 1896 г. стал инспектором 4-й Московской гимназии, а с 1904 г. – директором Московской гимназии им. П.Г. Шелапутина и председателем совета частных женских гимназий кн. Е.В. Енгальчевой, М.В. Приклонской и Е.В. Констан. С 1909 г. – преподаватель методики латинского языка на учрежденных при Московском учебном округе курсах для подготовки учителей и учительниц средних учебных заведений. С 1911 г. – член педагогического совета, член правления и преподаватель методики древних языков в Московском педагогическом институте им. П.Г. Шелапутина. С 1905 г. он был редактором «Педагогической библиотеки». С 1906 г. руководил занятиями по древним языкам на Курсах для подготовки преподавателей средних учебных заведений. В советское время преподавал в Институте красной профессуры и МИФЛИ. Много времени он уделял переводам методических руководств и монографий по

Вслед за Д. Н. Корольковым в командировку в Афины отправились А. В. Никитский и Н. И. Новосадский. В июле—декабре 1883 г. занятия Александра Васильевича Никитского проходили преимущественно в Афинах и их окрестностях. Он изучал эпиграфические, архитектурные и скульптурные памятники, занимался изучением топографии Афин по трудам У. М. Лика, К. Ваксмута, Г. Курциуса и И. А. Кауперта, проверяя их выводы на месте. Большое внимание в этот период времени ученый уделял Элевсинскому культу⁸⁹, сделав вывод, что культ стал хтоническим в результате длительных войн между Афинами и Элевсином. С 1884 г. научные интересы А. В. Никитского сосредоточились вокруг дельфийского оракула. Он активно занимался разбором дельфийских надписей, в частности впервые опубликовал надписи, списанные им самим в июле 1884 г. в Дельфах⁹⁰. В это же время он обрабатывал надписи Западной Локриды⁹¹. Вернувшись в Россию, с осени 1885 г. продолжил преподавание в Одесской духовной семинарии. В 1886 г. А. В. Никитский был избран приват-доцентом Новороссийского университета⁹², в 1895 г. защитил магистерскую диссертацию «Дельфийские эпиграфические этюды». Эта работа ученого получила характеристику «образцового эпиграфического исследования» и «выдающейся работы в области греческой истории и эпиграфики»⁹³. В 1896—1902 гг. — профессор Юрьевского университета⁹⁴. С 1902 г. — ординарный профессор Московского университета (после защиты докторской диссертации «Исследования в области греческих надписей»)⁹⁵. Был членом Учебного комитета Министерства народного просвещения (1914), преподавал в ИИФИ (1912), Петербургском университете (1912—1915), Женском педагогическом институте (1914). В 1919 г. Александр Васильевич был избран действительным членом Академии наук⁹⁶.

Составляя инструкцию для Николая Ивановича Новосадского, проф. Ф. Ф. Соколов рекомендовал остановиться на более подробном изучении Элевсинского культа. В первом отчете Н. И. Новосадский так характеризовал свои занятия: «списывая надписи в акропольском музее и изучая опубликованные сборники, следил за проводящимися раскопками и случайными открытиями надписей и памятников древнего искусства, изучал труды новейших ученых по Элевсинским мистериям, занимался изучением культа Исиды»⁹⁷. Кроме занятий эпиграфикой молодой человек изучал и топографию древней Греции: «Пособиями при этом служили мне

педагогике, дидактике и методикам преподавания древних языков. Являлся одним из авторов «Латинско-русского словаря», вышедшего после его смерти в 1949 г. Сам Д. Н. Корольков скончался в Москве в 1942 г.

⁸⁹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 87—97 об.

⁹⁰ Nikitsky 1884a.

⁹¹ Nikitsky 1884b.

⁹² *Пятидесятилетие Петроградского историко-филологического института. Биографический словарь лиц, окончивших курс института. Часть I. Выпускники I—XXIII (1871—1893)*. Под ред. В. В. Латышева. Петроград, 1917. С. 199—203.

⁹³ Zhebelev 1896, 88.

⁹⁴ Buzeskul 2005, 375.

⁹⁵ Buzeskul 1931, 137—139.

⁹⁶ Подробнее см. Jailenko 1972; Volkov *et al.* 2006, 175—176.

⁹⁷ Novosadsky 1885; 1886.

работы Ваксмута, А. Моммзена, Форбигера, Лика и Бурсиана. Но главной основой, конечно, были древние авторы и, где это было возможно, описываемая ими местность. Тут искал я данных для проверки взглядов новых ученых»⁹⁸. Правда, он тут же отмечает, что, не зная новогреческого языка, он не мог посетить отдаленные области Греции и принужден был ограничиться ближайшими к Афинам Пиреем и Элевсином. Во время этих занятий, 30 октября 1884 г., Николай Иванович сопровождал греческую королеву Ольгу Константиновну с великим князем Михаилом Михайловичем в Центральный, Политехнический и Акропольский музеи Афин. В дальнейшем его внимание было обращено на эпиграфику Беотии, Фокиды, Западной и Восточной Локриды, Фессалии. Николай Иванович лично объехал все эти области. Ему удалось заручиться поддержкой профессора Афинского университета С.А. Куманудиса и получить разрешение Греческого археологического общества, занимаясь в музеях Беотии и Фессалии, списывать находящиеся там надписи, даже если они еще не были опубликованы. В своем отчете Конференции института Новосадский дает подробный анализ тех из опубликованных надписей, интерпретация которых вызывала сомнения или дискуссии. Некоторые из надписей он приводит в тексте. Много внимания он уделяет поискам прорицалища Тифония в Ливадии, результатам французских раскопок в Дельфах и Элатье в Фокиде. Параллельно с этим ему удалось собрать богатейший материал для изучения критского диалекта, представленный в первую очередь Гортинской надписью⁹⁹. В это же время ученый начал собирать материал по Самофракийским мистериям, по вопросу о народонаселении древней Греции, об ἑξήρτουα у древних греков. Наиболее подробно в своих работах Н.И. Новосадский останавливается на изучении культа Котито¹⁰⁰.

Выполняя инструкции Ф.Ф. Соколова досконально, Н.И. Новосадский очень подробно в своих отчетах рассказывает о новых вышедших в свет изданиях, посвященных истории и археологии древней Греции. Причем он не просто перечисляет все новые работы, а дает их критический разбор¹⁰¹. В 1886 г. Николай Иванович был избран членом Германского археологического института. В начале того же года он получил разрешение два последних месяца командировки провести в Риме для окончательной работы над диссертацией. Он посетил Ватиканскую библиотеку, а также совершил поездку в Геркуланум и Помпеи¹⁰².

Вернувшись из командировки в 1886 г., Н.И. Новосадский преподавал древние языки в Петербургской гимназии Видемана и в ИИФИ¹⁰³. В 1887 г. он защитил магистерскую диссертацию по теме «Элевсинские мистерии». По отзыву Ф.Ф. Соколова, диссертация эта заслуживала очень пристального внимания со стороны ученой общественности¹⁰⁴. Через год стал экстраординарным

⁹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 112 об.

⁹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 131–146.

¹⁰⁰ Novosadsky 1886.

¹⁰¹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 131–146.

¹⁰² ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 151–151 об.

¹⁰³ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1906. Л. 2, 4, 6.

¹⁰⁴ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1766. Л. 5–6.

профессором кафедры греческой словесности Варшавского университета¹⁰⁵. В 1905 г. был избран деканом, а затем исполняющим обязанности ректора Варшавского университета. С 1909 г. — ординарный профессор кафедры классической филологии Московского университета. В 1919—1934 гг. — заведующий отделом классической филологии, главный библиотекарь и ученый консультант Всесоюзной библиотеки им. В.И. Ленина, с 1937 г. возглавил основанную по его инициативе кафедру древних языков МГУ¹⁰⁶.

Для продолжения занятий русских ученых в Греции в 1885 г. следовало командировать очередного кандидата. В институте подходящей кандидатуры не нашлось, и Ф.Ф. Соколов рекомендовал оканчивающего курс наук в Петербургском университете А.Н. Шукарева. Молодой человек уже обладал навыками в копировании надписей: для упражнений он списывал надписи, находящиеся в Эрмитаже, Московском и Одесском музеях. Некоторые копии А.Н. Шукарева упомянуты в своде В.В. Латышева (*IOSPE*)¹⁰⁷. Согласно инструкции Ф.Ф. Соколова, ему следовало обратить особое внимание на топографию древних Афин, совершить поездки в Элевсин, Амфиарай, Олимпию, снять копии с надписей, открытых в святилище Амфиарая. За первое полугодие Шукарев составил табличный каталог критских надписей, а в дальнейшем сосредоточился на изучении топографии и эпиграфических памятников Афин и Пелопоннеса. Он смог посетить Мегары и сделал там копии 12 надписей, четыре из которых еще не были изданы. Кроме того, получив разрешение заниматься вместе с эфором Леонардосом приведением в порядок и расшифровкой надписей в Центральном музее, списал несколько надписей по просьбе В.В. Латышева для *IOSPE*, в том числе надпись в честь сыновей Левкона, находящуюся в Пирее в частной коллекции. Составил подробный список памятников, упоминающихся у Павсания, отметив те, которые сохранились и были опубликованы. Подготовил полный список новейших научных статей по топографии Афин.

В целом Александр Николаевич очень скрупулезно подходил к работе с надписями, уделяя большое внимание как списыванию уже опубликованных источников, так и сличению изданных и вновь найденных надписей в поисках недостающих фрагментов. Сам он так описывал свою работу в отчете К.В. Кедрову: «Особенно тщательно отмечались все спорные места надписей. Надписи, изданные в *Corpus inscriptionum Graecarum*, были списаны только курсивом, так как их, во всяком случае, следует снова списывать; сличение для них недоступно. Надписи, изданные у Le Bas и в других новейших изданиях, списывались эпиграфическим шрифтом с пропуском некоторых наиболее бесспорных строк. Число строк всегда помечалось при этом, чтобы не быть введенному в заблуждение»¹⁰⁸. Во второй половине 1886 г. Александр Николаевич совершил путешествие по Пелопоннесу, посетив Арголиду, Аркадию, Лаконику, Мессению, Спарту. В последней он обнаружил и списал надпись в честь Филиппа Македонского (сам обломок

¹⁰⁵ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1906. Л. 7.

¹⁰⁶ Belousov 2017, 28.

¹⁰⁷ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 118—119 об.

¹⁰⁸ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 159—159 об.

с надписью он передал П.Ф. Фукару). В это же время Александр Николаевич окончательно определился с темой магистерской диссертации: «Об афинских архонтах III в. до Р.Х.». Тема эта была выбрана им потому, что удалось собрать большое количество архонтских имен и заняться их датировкой (список приводится в работе и в отчете Ф.Ф. Соколову)¹⁰⁹.

За годы командировки А.Н. Щукарев опубликовал несколько статей, посвященных изученным им эпиграфическим источникам¹¹⁰. Увидевшие свет работы были выполнены на высоком профессиональном уровне. Они и выполненная на их основе магистерская диссертация А.Н. Щукарева послужили основанием для исследований будущего поколения антиковедов как в России (С.А. Жебелёв), так и за рубежом (В. Фергюсон, В. Кольбе и К.Ю. Белох)¹¹¹. Попутно надо заметить, что тексты отчетов Щукарева несколько отличаются от работ его предшественников. Они весьма пространны, в них дается подробнейшее описание занятий самого Александра Николаевича, перечисляются все предпринятые им поездки, прочитанные источники; очень много внимания уделено описанию хода раскопок на Акрополе и полученных в результате находок. Не менее скрупулезно он подошел и к описанию коллекций греческих археологических музеев, даже самых незначительных. Его описания посещенных исторических мест, «экскурсий», как называет эти поездки сам автор отчетов, очень напоминают заметки путешественника, написанные хорошим литературным языком¹¹².

После возвращения из Афин А.Н. Щукарев преподавал в гимназии при ИИФИ, Петербургском коммерческом училище, Петербургской гимназии Гуревича, Николаевской Царскосельской гимназии, Александровском лицее. В 1890 г. он защитил магистерскую диссертацию по теме «Исследования в области каталога афинских архонтов» и тогда же был допущен к чтению лекций по всеобщей истории в звании приват-доцента Петербургского университета. В университете он преподавал до самой своей смерти. В разные годы читал курсы по истории древнего искусства, палеографии греческих надписей, археологической топографии древней Греции (не зря были пространные отчеты о путешествиях). В журнале «Филологическое обозрение» вел рубрику «Археологическая хроника эллинского Востока». Опубликовал курсы лекций по истории искусства. К сожалению, Александр Николаевич Щукарев, подающий большие надежды русский ученый, безвременно скончался в 1900 г. в возрасте 39 лет¹¹³.

Командировка А.Н. Щукарева закончилась в январе 1888 г. К сожалению, в связи с финансовыми трудностями в Министерстве народного просвещения, на смену ему в Афины никто послан не был. Только через год, в 1889 г., К.В. Кедров вновь ходатайствует перед министром народного просвещения о возобновлении командировок в Грецию с января 1890 г. Согласно отношению Ф.Ф. Соколова,

¹⁰⁹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 167–174 об.

¹¹⁰ Stschoukareff 1887a; 1887b; 1888.

¹¹¹ Rostovtzeff 1900; Zhebelev 1901; Frolov 1999.

¹¹² ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 157–199.

¹¹³ Buzeskul 1931, 142; 2005, 376.

в Грецию были командированы С.А. Селиванов и Р.Х. Лепер. Эта командировка проходила под патронажем не только Ф.Ф. Соколова, но и В.В. Латышева¹¹⁴.

Сергей Андреевич Селиванов занимался под руководством В.В. Латышева. Уже на третьем курсе он написал превосходное курсовое сочинение «О древнейшей истории Родоса». В нескольких случаях ему удалось даже исправить ошибки некоторых новых авторов. Ф.Ф. Соколов писал: «Г. Селиванов... занимается самым усердным образом и с выдающимся успехом. Еще студентом он начал специальное изучение о Родоса и посвятил этому предмету два курсовых сочинения. Но его труды не ограничивались узкою специальной темой. Кто хочет вполне и всесторонне изучить какую-либо малую часть науки классической древности или истории, тот скоро принужден будет расширить объем своих знаний, познакомиться основательно со всею наукою. Им [Селивановым. — Н. К., С. Л.] сделано несколько открытий в области древней топографии города...»¹¹⁵.

Уже в первом своем отчете Сергей Андреевич обращает внимание администрации на то, что библиотека, находящаяся в доме русской церкви в Афинах, сформированная еще Ф.Ф. Соколовым десятилетием ранее, значительно устарела и назрела серьезная необходимость в ее пополнении¹¹⁶. В частности, он указывал, что «там нет таких книг, которые, говоря без преувеличений, необходимы археологу для справок каждую минуту (например *Corpus inscriptionum Graecarum* и *Corpus inscriptionum Atticarum*)»¹¹⁷. Эта просьба была услышана: из сумм русского посольства в Афинах было ассигновано на пополнение библиотеки 1100 драхм. Часть необходимой литературы С.А. Селиванов и Р.Х. Лепер приобрели в Афинах, часть выписали из-за границы¹¹⁸.

Весь первый отчет молодого ученого посвящен Акрополю, а именно соотношению описания Павсания с сохранившимися памятниками, а также попытке восстановить облик акрополя по Павсанию¹¹⁹. Помимо этого, Сергей Андреевич обращается и к новейшим работам, в которых делаются попытки восстановить древнюю топографию Акрополя, и дает их обстоятельный анализ, обращая внимание на ошибки и неточности. Надо заметить, что отчет этот составлен очень добротнo, написан прекрасным научным языком, что уже характеризует С.А. Селиванова как великолепного специалиста. Результатом работы второго полугодия стали частные письма В.В. Латышеву и рецензирование труда Т. Леншау «*De rebus Priensium*». Одновременно молодой человек начал подготовку к путешествию на о. Родос, поскольку темой своей магистерской диссертации он избрал его историю и государственное устройство. В своем отчете он дает подробнейшее топографическое описание и указывает, что на острове не сохранилось почти никаких архитектурных произведений эллинской поры, за исключением древних могил¹²⁰. В своей работе С.А. Селиванов попытался соотнести определенные

¹¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 200–200 об.

¹¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 252–252 об.

¹¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 209–210 об., 211.

¹¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 210.

¹¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 250 об.

¹¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 211–221 об.

¹²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 23–250.

местности острова с описаниями античных авторов, в первую очередь с трудами Страбона и Павсания.

Главным результатом работы С.А. Селиванова в январе—сентябре 1891 г. стали написанные и отосланные В.В. Латышеву в Казань и в *ЖМНП* «Топографические очерки острова Родоса», которые состояли из двух основных частей: введения и самого текста, и примечаний и приложений, в которых были представлены копия карты о Родоса по Птолемию, карта из сочинений Коронелли и Дапперу, карта острова Родоса на основании составленной Г. Кипертом с изменениями и дополнениями С.А. Селиванова, планы городов Родоса, Линда, Камира. В.В. Латышев, давая отзыв на эту работу, отмечал следующее: «Первоначально он предполагал расширить и усовершенствовать свою студенческую “Историю Родоса” для подготовки ее в качестве магистерской диссертации. Но после посещения острова, занявшись вопросами его топонимики, которые по первоначальному плану должны были составить первую часть работы, он разработал их настолько обстоятельно, что у него составила целая монография. Рукопись состоит из 426 страниц, из них 297 страниц — текст, остальные — примечания, в том числе 7 карт и планов, из которых особенно хороша современная карта Родоса с указанием мест древних поселений. Автор рассматривает все источники и существующую литературу подробно и обстоятельно»¹²¹. Вместе с тем, молодой ученый смог подготовить еще несколько заметок¹²², совершить экскурсии по Пелопоннесу, присутствовать при раскопках в Олимпии и на Керамике¹²³. В ноябре 1891 г. С.А. Селиванов путешествовал по Малой Азии, посетил Колофонскую и Эфесскую области и Магнесий у реки Меандр¹²⁴. В первом полугодии 1892 г. он посетил Фокиду, обратив главное внимание на Дельфы, Беотию, Халкиду и Эретрию. Получив разрешение на продление командировки, он смог посетить библиотеки Лондона, Парижа, Берлина и Рима, а также прослушать курс лекций по эпиграфике в Берлинском университете¹²⁵.

По возвращении из Греции Сергей Андреевич очень сильно заболел и смог приступить к научным занятиям только осенью 1894 г., тогда же он начал преподавать древние языки в Одесской 2-й гимназии. С 1896 г. С.А. Селиванов — приват-доцент Новороссийского университета, член историко-филологического общества при Новороссийском университете. Он активно помогал В.В. Латышеву при работе над сборником «*Scythica and Caucasica*». Скончался в 1908 г. в Симбирске.

Роман Христианович Лепер в Афинах сосредоточился на отработке навыка в чтении, списывании и снятии эстампажей, а также изучал различия в характере письма разного времени. Одновременно он старался внимательно ознакомиться с остатками древних Афин и Пирея, разобраться в спутанных наслоениях разных времен, с приемами постройки и с характером и назначением построек. Надо заметить, что этот опыт оказался весьма полезным для дальнейшей научной судьбы ученого при изучении им древностей Юго-Западного Крыма. Р.Х. Лепер, как и его предшественники, посещал в Афинах лекции В. Дёрпфельда, но только он сохранил для нас в своем

¹²¹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 255—256 об.

¹²² Selivanov 1891a; 1891b.

¹²³ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 195. Л. 259—268.

¹²⁴ Selivanov 1892.

¹²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 251—251 об.

отчете перечень этих лекций¹²⁶. В Греции он написал свой главный труд «К вопросу о димах Аттики», который содержит богатый материал для внутренней истории Греции. Вернувшись в 1894 г. в Петербург, стал преподавателем древних языков в 10-й мужской гимназии¹²⁷, но вскоре перешел в гимназию Видемана. В 1901–1909 гг. Роберт Христианович был ученым секретарем Императорского Русского археологического института в Константинополе. В 1909–1914 гг. как член Императорской Археологической комиссии возглавлял раскопки в Херсонесе Таврическом. В ходе работ он нашел несколько новых надписей, в том числе и договор херсонеситов с Фарнаком, который он опубликовал с обстоятельными комментариями (*IOSPE I*, 402)¹²⁸. Однако в целом научная карьера Романа Христиановича не удалась: диссертацию он так и не защитил, а многие из работ оставил незавершенными.

Командировка С.А. Селиванова и Р.Х. Лепера оказалась последней. В 1895 г. за счет средств Министерства народного просвещения в Грецию был направлен Е.М. Придик. Однако с Историко-филологическим институтом его связывало только научное руководство поездкой Ф.Ф. Соколова. Трудно сказать, по какой причине прекратилась эта практика. По всей видимости, отсутствие необходимых средств в Министерстве народного просвещения и последовавшая вскоре смерть одного из главных вдохновителей этого предприятия, директора К.В. Кедрова, и стали основными факторами, прекратившими столь полезное и важное дело. И хотя так и не удалось в полной мере реализовать идею создания русского археологического института в Афинах (наподобие немецкого или французского), тем не менее, работа наших молодых ученых за границей значительно подняла престиж русской науки об античности за рубежом. Ф.Ф. Соколов писал: «Наши молодые ученые показали удивительную ревность, настойчивое и упорное трудолюбие, и их труды вознаградились находками, всегда приносившими значительную пользу науке, а иногда блестящими»¹²⁹. Молодые русские ученые смогли наладить в Афинах отношения с учеными разных национальностей, работающих в Греции. Немецкие и французские ученые всегда любезно и предупредительно относились к занятиям русских командированных. Наилучшие отношения установились и с греческими учеными.

Литература /References

- Andreev, A. Yu. 2005: *Russkie studenty v nemetskikh universitetakh XVIII – pervoy poloviny XIX v.* [*Russian Students in German Universities in the XVIII – First Half of the XIX Century*]. Moscow.
- Андреев, А. Ю. *Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX в.* М.
- Basargina, E. Yu. 2004: *Vitse-prezident Imperatorskoy Akademii nauk P. V. Nikitin: Iz istorii rossiyskoy nauki (1867–1916)* [*Vice-president of the Imperial Academy of Sciences P. V. Nikitin: From the History of Russian Science (1867–1916)*]. Saint Petersburg.
- Басаргина, Е. Ю. *Вице-президент Императорской Академии наук П. В. Никитин: Из истории российской науки (1867–1916)*. СПб.
- Basargina, E. Yu. 2008a: [To R. G. H. Loeper's Biography]. In: *Istoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennyoy 150-letiyu so*

¹²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 222–233.

¹²⁷ Basargina 2008a, 230.

¹²⁸ Basargina 2008a, 228–231.

¹²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2301. Л. 4.

- dnya rozhdeniya chlena-korrespondenta AN SSSR, professora A.A. Spitsyna [History and Practice of Archaeological Research. Materials of the Scientific Conference dedicated to the 150th Anniversary of the Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences Professor A.A. Spitsyn]. Saint Petersburg, 228–231.*
- Басаргина, Е.Ю. К биографии Р.Х. Лёпера. В сб.: Е.Н. Носов, И.Л. Тихонов (отв. ред.), *История и практика археологических исследований. Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора А.А. Спицына*. СПб., 228–231.
- Basargina, E. Yu. 2008b: [Projects of Russian Archaeological Institutes Abroad]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 205–213.
- Басаргина, Е.Ю. Проекты создания русских археологических институтов за рубежом. *ВДИ* 4, 205–213.
- Belousov, A.V. 2017: [Nikolay Ivanovich Novosadsky (1859–1941) – the Founder of the Department of Ancient Languages at the Faculty of History of MSU: Life and Works on the Materials from the RAS Archive]. In: A.V. Podossinov, I. Yu. Shabaga (eds.), *Trudy kafedry drevnykh yazykov [Proceedings of the Department of Ancient Languages]*. Issue 5. Moscow, 28–103.
- Белуосов, А.В. Николай Иванович Новосадский (1859–1941) – основатель кафедры древних языков исторического факультета МГУ: жизнь и труды по материалам Архива РАН. В сб.: А.В. Подосинов, И.Ю. Шабага (ред.), *Труды кафедры древних языков*. Вып. V. М. 28–103.
- Buzeskul, V.P. 1931: *Vseobshchaya istoriya i ee predstaviteli v Rossii v XIX i nachale XX veka [Global History and Its Representatives in Russia in the 19th and Early 20th Century]*. Pt. 2. Moscow.
- Бузескул, В.П. *Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века*. Ч. 2. М.
- Buzeskul, V.P. 2005: *Vvedenie v istoriyu Gretsii. Obzor istochnikov i ocherk razrabotki grecheskoy istorii v XIX i v nachale XX veka [Introduction to Greek History. A Review of Sources and an Essay on the Development of the Greek History in the 19th and Early 20th Century]*. Saint Petersburg.
- Бузескул, В.П. *Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX века*. СПб.
- Derzhavin, N.S. 1938: [Alexander Ustinovich Malein (Obituary)]. *Vestnik AN SSSR [Bulletin of the USSR Academy of Sciences]* 11, 116–117.
- Державин, Н.С. Александр Иустинович Малеин (некролог). *Вестник АН СССР* 11, 116–117.
- El'zon, M.D. 1983: [Alexander Ustinovich Malein]. *Kniga. Issledovaniya i materialy [Book. Research and Materials]* 47, 170–180.
- Эльзон, М.Д. Александр Иустинович Малеин. *Книга. Исследования и материалы* 47, 170–180.
- Frolov, E.D. 1999: *Russkaya nauka ob antichnosti: istoriograficheskie ocherki [Russian Science of Classical Antiquity. Historiographical Essays]*. Saint Petersburg.
- Фролов, Э.Д. *Русская наука об античности: историографические очерки*. СПб.
- Jailenko, V.P. 1972: [Alexander Vasilyevich Nikitsky (on the 50th Anniversary of His Death)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 175–180.
- Яйленко, В.П. Александр Васильевич Никитский (к 50-летию со дня смерти). *ВДИ* 4, 175–180.
- Jernstedt, V.K. 1882: [Battle of Salamis]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of National Education]* 220, 105–127.
- Ернштедт, В.К. Саламинская битва. *ЖМНП* 220, 105–127.
- Korol'kov, D.N. 1884: [New excavations in Eleusis]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of National Education]* 232, 88–101.
- Корольков, Д.Н. Новые раскопки в Элевсине. *ЖМНП* 232, 88–101.
- Kuklina, I.V. 1999: [V.K. Jernstedt: Review of Manuscript Heritage]. In: I.P. Medvedev (ed.), *Rukopisnoe nasledie rysskikh vizantinistov v arkhivakh Sankt-Peterburga [The Handwritten Heritage of the Russian Byzantinists in the Archives of Saint Petersburg]*. Saint Petersburg, 68–130.
- Куikliна, И.В. В.К. Ернштедт: обзор научного рукописного наследия. В сб.: И.П. Медведев (ред.), *Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга*. СПб., 68–130.
- Latyshev, V.V. 1880: [Epigraphic Studies. I]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of National Education]* 212, 441–466.
- Латышев, В.В. Эпиграфические этюды. I. *ЖМНП* 212, 441–466.
- Latyshev, V.V. 1881a: [To the Question of the Ammon's Cult in Athens]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of National Education]* 213, 24–44.
- Латышев, В.В. К вопросу о культе Аммона в Афинах. *ЖМНП* 213, 24–44.

- Latyshev, V.V. 1881b: [Epigraphic Studies. II]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 214, 157–169.
Латышев, В.В. Эпиграфические этюды. II. *ЖМНП* 214, 157–169.
- Latyshev, V.V. 1881c: [Epigraphic Studies. III]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 216, 305–313.
Латышев, В.В. Эпиграфические этюды. III. *ЖМНП* 216, 305–313.
- Latyshev, V.V. 1882: [Archaeological Research in Chaeronea in 1879 and 1880]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 219, 89–104.
Латышев, В.В. Археологические исследования в Херонее в 1879 и 1880 годах. *ЖМНП* 219, 89–104.
- Latyshev, V.V. 1883: [To Athenian Heortology]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 225, 1–24.
Латышев, В.В. К афинской эортологии. *ЖМНП* 225, 1–24.
- Latyshev, V.V., Jernstedt, V.K. 1880: [One of the Newly Found Athenian Inscriptions]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 212, 467–471.
Латышев, В.В., Ернштедт, В.К. Одна из вновь найденных афинских надписей. *ЖМНП* 212, 467–471.
- Nikitin, P.V. 1875: [About the Ancient Cypriot Dialect]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 179, 69–106.
Никитин, П.В. О древнекипрском диалекте. *ЖМНП* 179, 69–106.
- Nikitsky, A.V. 1884a: [Unpublished Inscriptions from Delphi]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 236, 36–39.
Никитский, А.В. Незданные надписи из Дельф. *ЖМНП* 236, 36–39.
- Nikitsky, A.V. 1884b: [Inscriptions from the Western Locris]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 236, 47–65.
Никитский, А.В. Надписи из Западной Локриды. *ЖМНП* 236, 47–65.
- Novosadsky, N. 1885: De inscriptione Lebadiae nuper inventa. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung* 10/3, 217–218.
- Novosadsky, N.I. 1886: [Kotito]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 245, 118–124.
Новосадский, Н.И. Котито. *ЖМНП* 245, 118–124.
- Pitul'ko, G.N. 1991: [A.I. Malein as the Organizer of the *incunabula* Cabinet]. In: V.P. Leonov (ed.), *275 let Biblioteki Akademii nauk. Sbornik докладov yubileynoy nauchnoy konferentsii 28.11–11.12.1989* [275 Years of the Library of the Academy of Sciences. The Collection of Papers of the Anniversary Academic Conference 28.11–11.12.1989]. Saint Petersburg, 287–294.
Питулько, Г.Н. А.И. Малеин как организатор Кабинета инкунабулов (1924–1930). В сб.: В.П. Леонов (отв. ред.), *275 лет Библиотеке Академии наук. Сборник докладов юбилейной научной конференции 28.11–11.12.1989*. СПб., 287–294.
- Ptitsyn, A.N. 2017: [Russian Philological Seminary in Leipzig and Emigration of Austro-hungarian Slavs to Russia]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanities and Law Research] 1, 97–102.
Птицын, А.Н. Русская филологическая семинария в Лейпциге и эмиграция австро-венгерских славян в Россию. *Гуманитарные и юридические исследования* 1, 97–102.
- Rostovtzeff, M.I. 1900: [A.N. Stschoukareff in memoriam]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 332, 46–50.
Ростовцев, М.И. Памяти Александра Николаевича Щукарева. *ЖМНП* 332, 46–50.
- Selivanov, S.A. 1891a: [To the Article “Some Unpublished Inscriptions of Rhodes”]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 276, 53–56.
Селиванов, С.А. К статье «Несколько незданных родосских надписей». *ЖМНП* 276, 53–56.
- Selivanov, S.A. 1891b: Ad inscriptiones Rhodias ineditas supplementum. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung* 16/2, 240–242.
- Selivanov, S.A. 1892: [On the Colophon, Notium, Claros and the New Inscriptions from the Colophon Area]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 284, 67–82.
Селиванов, С.А. О Колофоне, Нотии, Кларе и о новых надписях Колофонской области. *ЖМНП* 284, 67–82.

- Skvortsov, A.M. 2012: [Educational Journeys Abroad as a Stage of Professional Training for Classicists (on the Example of V.S. Kutorga School)]. In: E.D. Frolov (ed.), *Mnemon. Issledovaniya i publicatsii po istorii antichnogo mira* [Studies and Publications on the History of Ancient World]. Issue 11. Saint Petersburg, 403–418.
- Скворцов, А.М. Заграничные командировки как этап профессиональной подготовки антиковедов (на примере научной школы М.С. Куторги). В сб.: *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. Выпуск 11. СПб., 403–418.
- Stschoukareff, A. 1887a: Ein unedirter attischer „Catalogus iudicialis“. In: *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung* 12/1–2, 131–135.
- Stschoukareff, A.N. 1887b: Συμπλήρωμα τοῦ καταλόγου τῶν Ἀθηνησιν ἀρχόντων. *Ἐφημερίς ἀρχαιολογική* 3, 47–50.
- Stschoukareff, A.N. 1888: [To the Catalogue of the Athenian Archons]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 257, 58–83.
- Щукарев, А.Н. К каталогу афинских архонтов. *ЖМНП* 257, 58–83.
- Sveshnikov, A.V. 2012: [State Policy in the Field of Foreign Travels of Russian Researchers in the Second Half of the 19th Century – Early 20th Century]. In: A.N. Dmitriev (ed.), *Raspisanie peremen. Oчерки istorii obrazovatel'noy i nauchnoy politiki Rossiyskoy imperii – SSSR (konets 1880–1930-e gg.)* [The Schedule of Changes. Essays on the History of Educational and Academic Policy in the Russian Empire – the USSR (the End of 1880–1930-s)]. Moscow, 849–887.
- Свешников, А.В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX – начала XX века. В сб.: А.Н. Дмитриев (ред.), *Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880–1930-е гг.)*. М., 849–887.
- Trokhimovskiy, A. Yu. 2007: *Zagranichnye komandirovki uchenykh Moskovskogo universiteta v 1856–1881 gg.* [Journeys Abroad of the Moscow University Researchers during 1856–1881]. Moscow.
- Трохимовский, А.Ю. *Заграничные командировки ученых Московского университета в 1856–1881 гг.* Автореф. к.и.н. М.
- Tunkina, I.V. 1999: [V.V. Latyshev: Life and Academic Works (Based on the Manuscript Heritage)]. In: I.P. Medvedev (ed.), *Rukopisnoe nasledie rysskikh vizantinistov v arkhivakh Sankt-Peterburga* [The Handwritten Heritage of the Russian Byzantinists in the Archives of Saint Petersburg]. Saint Petersburg, 172–288.
- Тункина, И.В. В.В. Латышев: Жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия). В сб.: И.П. Медведев (ред.), *Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга*. СПб., 172–288.
- Tunkina, I.V. 2011: [B.V. Warnecke and His Memoirs on Scientists]. In: M.D. Bukharin (ed.), *Scripta antiqua. Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury: Al'manakh.* [Scripta antiqua. Ancient History, Philology, Arts and Material Culture. The Almanac]. Т. I. Moscow, 435–493.
- Тункина, И.В. Б.В. Варнеке и его воспоминания об ученых. В сб.: М.Д. Бухарин (ред.), *Scripta antiqua. Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury: Almanakh.* Т. 1. М., 435–493.
- Volkov, V.A., Kulikova, M.V., Loginov, V.S. 2006: *Moskovskie professora XVIII – nachala XIX vekov* [Moscow Professors of the XVIII – Early XX Centuries]. Moscow.
- Волков, В.А., Куликова, М.В., Логинов, В.С. *Московские профессора XVIII – начала XX веков*. М.
- Zhebelev, S.A. 1896: [Alexander Nikitskiy. Delphic Epigraphic Studies. I–IV. Odessa, 1894–1895]. *Filologicheskoe obozrenie* [Philological Review] 10, 88.
- Жебелёв, С.А. Александр Никитский. Дельфийские эпиграфические этюды. I–IV. Одесса, 1894–1895. *Филологическое обозрение* 10, 88.
- Zhebelev, S.A. 1901: [A.N. Shchukin in memoriam. An Obituary]. *Zapiski Russkogo arheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Russian Archaeological Society] XII/3–4, 1–14.
- Жебелёв, С.А. Памяти Александра Николаевича Щукарева. Некролог. *Записки Русского археологического общества* XII/3–4, 1–14.